

ЧАСТЬ II

ВОСПРОИЗВОДСТВО КАСТОВОГО СТРОЯ

Глава 3

ДЖАТИ

Кастовая организация индийского традиционного общества является особым способом гармонизации проблем межэтнического и социального взаимодействия, а идейные обоснования кастового способа организации социальных связей прямо соотносятся с основополагающими концептами индуизма (*дхарма*, *карма*, *сансара*). Сегментация первобытных социумов на множество капсулированных *джати* и оформление их границ произошли под влиянием брахманического натурфилософского концепта *джати* и адресных религиозных наставлений *свадхарма*, сакрализирующих образ жизни «созданных Брахманом пород людей»-*джати*. Моральные императивы индуизма способствуют сохранению идентичности отдельных *джати* в течение столетий: адресные варианты индуизма ориентированы на *джати* и ее экзогамные компоненты *кула/готра*. По типу *джати* воспроизводятся все функциональные ячейки кастового общества, в том числе конгломератные этнокастовые. Мозаика *джати* перестраивается и компонуется постоянно; на ее основе создаются разные модификации кастового строя и бесчисленные «комплексы джати», состоящие из нескольких *джати* каждый. Это взаимодействие глубоко регламентировано и ритуализовано, нашло самое серьезное отражение в идеологическом ресурсе индуизма и по-прежнему мало изучено.

Джати *versus* каста.

Все индийское общество, состоящее из индуистов разных направлений и «сект», иных конфессиональных общин (в число которых входят сикхи, джайны, христиане, мусульмане с их «подобием каст») и даже внекастовой племенной периферии, организовано в многочисленные *джати* этих групп населения. Это именно те модули структуры, из которых составлено индийское традиционное общество. Сам термин «джати» говорит о важности родственных отношений при кастовом строе общества. Уже поэтому можно говорить, что *джати* — универсальная для Индии форма организации общественных коллективов, основанная на родстве как принципе объединения. Особенность индийского традиционного (кастового) общества состоит в том, что его структурные компоненты складываются на связях родства, имеют четкие конфигурации, их состав и функции заложены традицией в обычном и подробно прописаны в кодифицированном праве со времен глубокой древности, они хорошо воспроизводятся. Но западная наука их не видит, зачарованная собственным эволюционистским учением о касте, которое не предполагает исследование систем родства и клановых структур, и эта ограниченность обзора во многом сохраняется поныне. Индийские люди живут в мире традиционных связей и отношений — для науки индийское традиционное общество остается плотно завуалированным наброшенной на него сетью «каст». Индийский этнолог Д. Н. Маджумдар говорил горестно: «Мы упрощаем социальную структуру нашей страны, считая ее тождественной магическому понятию “каста”» [Majumdar 1958: 171]. На современном этапе развития индологии назрела настоятельная необходимость обратиться к собственно индийскому видению индийских реалий, предметно проанализировать оригинальные представления, изучить глубинное содержание аутентичных терминов и понятий. Книги по этнографии и деревенской жизни Индии наполнены огромным разнообразием местных терминов на всех языках, которые так или иначе должны быть приведены к научным дефинициям и истолкованы. Во всей этой большой работе мнение индийских знатоков предмета нужно учитывать в первую очередь, нужно внимательно их слушать и стараться понять их объяснения. В этом состоит один из реальных путей для адекватного решения стоящих перед нами исследовательских задач и просматривается реальный способ преодоления теоретических тупиков.

Основной функциональной единицей кастового строя является *джати*, и именно к ней должна быть отнесена большая часть замеченных исследователями «характерных особенностей касты». В сущности этой общественной категории кроется разгадка главного «смысла» кастового строя, того смысла, который видит в нем индуизм и не умеет увидеть наука о касте. Сущность категории *джати* может быть понята при функциональном анализе индийской традиционной социальной системы на всех ее уровнях, начиная от связей родства. В традиции «науки о касте» соотношение «кастовой системы» и родственной организации принадлежит к числу самых сложных (я бы сказала, неразрешимых) вопросов, вызывающих расхождение по партиям сторонников той или иной точки зрения¹. Но ответы на этот вопрос могут быть разными при разных методологических подходах к исследованию общественных отношений. Главная идея эволюционистской теории касты известна: социальная организация не может быть основанной на родстве. В антропологической концепции эти затруднения видятся надуманными: понятно, что отдельная каста как «списочная» статусная группа не основана на связях родства; но кастовая система имеет отношение к категориям родственности, потому что она представляет собой современный способ классификации всего разнообразия *джати*, а каждая каста включает в свой состав несколько традиционных *джати*. Посмотрим, как структурируется *джати* и почему она может быть квалифицирована как категория родственности.

В поиске сути кастового строя надо исходить из понимания того факта, что кастовые характеристики всегда относятся к социальной общности, но только такой, внутреннее строение которой основано на родственных связях. В этом проявляется присущая индийскому традиционному обществу корпоративность и особое отношение к узам родства, реального, потенциального и даже фиктивного. И только именно в такой группе вступают в действие все другие «признаки» касты. Эта мысль была не просто высказана, но доказательно обоснована французским санскритологом Э. Сенаром в его книге об индийской касте еще в 1894 г. [см.: Dumont 1988: 61–62]. Э. Сенар пришел к выводу, что не каста, а именно подкаста, эндогамная единица и одновре-

¹ Мой учитель М. К. Кудрявцев рассматривал родственные отношения как низовые уровни кастовой системы [Кудрявцев 1992: 73–130].

менно субъект обычного права, «юридическое лицо», имеющее полномочия принимать ответственные и общественно признаваемые решения, является фундаментальной единицей, которая по всей логике должна называться истинной кастой. Книга Э. Сенара была написана по-французски, и ее читательская аудитория оказалась не очень широкой. Однако доминировавшей в науке об индийском обществе английской этнологической школе даже первого взгляда на исследование французского санскритолога оказалось достаточно, чтобы встретить его градом критики. Теория Э. Сенара практически сразу была отмечена как тупиковая в науке о касте. Это произошло под влиянием триумфального торжества идей эволюционизма. Как может в XIX в. не просто сохраняться в виде пережитка, а царить агнатный клан, «gens», институт первобытного общества?! Высокомерное отношение к изучению «примитивных институтов первобытного общества» было взято в XX в. и европейской социологией, прежде всего французской: в ней, если судить по высказываниям Л. Дюмона, изучение родственных отношений считается «узким социально-антропологическим» подходом к проблеме и порицается за излишнюю мелочность обзора [Dumont 1988: li]. А ведь Л. Дюмон считал себя последователем Э. Сенара и даже проводил исследования по родственным отношениям у дравидских кастовых групп. В необходимом комплексном ключе каста не изучалась, несмотря на то что теперь материалов, в том числе и по родственным отношениям у разных индийских этнических общностей, стало во много раз больше, чем было во времена Э. Сенара и даже Л. Дюмона. И сегодня антропологическое объяснение сути касты в ее отношении к традиционной *джати* только-только формулируется, в том числе стараниями автора данной работы.

В общей теории касты термин и понятие «джати» употребляются вполне бессистемно и нечетко. В наиболее терминологически аккуратных работах слово принимается в качестве индийского эквивалента для английского термина «подкаста subcaste». Его содержание понятно по морфологическому составу самого английского термина: имеется в виду подразделение касты, чаще — эндогамное. М. К. Кудрявцев объясняет: термин *джати* употребляется чаще всего как название для «начальной, кастовой, точнее внутрикастовой, эндогамной общности первого ранга, то есть уже не делящейся на эндогамные группы и содержащей в себе только экзогамные, а иногда гипергамные подразделения. И чаще

всего такая общность будет совпадать с подкастой» [Кудрявцев 1992: 30]. Д. Манделбаум тоже отмечает, что для *джати* характерна эндогамия (брачные связи концентрируются внутри нее), более определенные, чем у касты, территориальные границы, большая профессиональная однородность. *Джати* имеет функции в ритуале, по ее каналам налажено самоуправление в кастовой общине. Но на роль основной единицы кастового общества *джати*, по мнению этого исследователя, претендовать не может. «Она подчеркивает только некоторые черты сходства между кастой, племенем, профессиональной группой, сектой и т. д., игнорируя весьма существенные социальные различия между ними. Так, с одной стороны, стирается отличная во многом от кастовой специфика этнических общностей, а с другой — выпадают из поля зрения различия между внутрикастовыми и надкастовыми структурными единицами и теряется представление о кастовой структуре вообще. Эклектичность порождаемых ею представлений о кастовой системе не позволяет *джати* считаться основной кастового общества», — говорит Д. Манделбаум [Mandelbaum 1970: I, 29–30]. Но, может быть, именно эти — в глазах науки — недостатки *джати* являются ее достоинствами, если миллионы людей живут по правилам организации *джати* тысячи лет?

Термин «подкасты» пришел из практики проведения переписей населения в Индии. Подкасты, или эндогамные подразделения каст, впервые регистрировались в переписи 1891 г. Результатом стало то, что одни только *джаты* (*Jāt*) и *ахиры* (*Ahīr*)² дали 1780 названий своих *джати*, и члены каждой из них утверждали, что все они родственники друг другу и женятся между собой по особым правилам. В материалах первых переписей разнородных *джати* оказалось порядка 2.5 млн. единиц, и к четвертой переписи 1901 г. администраторы перестали обращать внимание на столь дробные идентичности, сосредоточившись на значительно более удобных для пересчета кастах — «этнических», «профессиональных», «сектантских», которых «нашли» около 3500 единиц³, а также на племенах⁴. Так родились «кастовая система» англий-

² В словарях каст и племен они описываются как каста земледельцев и каста пастухов Северной Индии и Пенджаба соответственно.

³ К 1901–1911 гг. все индийские переписчики и даже многие респонденты уверенно пользовались словом «каста».

⁴ Это решение связано с административной и научной деятельностью Г. Рисли.

ской колониальной этнографии и административные иерархические списки каст, а традиционные *джати* стали «подкастами». Это судьбоносный момент в истории кастового общества, предопределивший его современный облик.

Собранные в первых переписях материалы послужили основой для программных научных исследований, предпринятых британскими колониальными чиновниками-этнологами. Некоторые из них попытались провести определенные обобщения даже в многообразии фактов из жизни *джати*. Поскольку и по сей день это вершина теоретизирования относительно «подкаст»-*джати*, рассмотрим этот момент подробнее. Начали с попыток классифицировать названия каст и подкаст, стремясь выяснить происхождение этих групп. Так, например, как это сделано при описании эндогамных каст и подкаст у самого Г. Рисли [Risley 1915: 155–158]. Приведу подробное изложение этого описания, так как предложенные Г. Рисли теоретические подходы предопределили направление научной мысли всей английской функциональной школы касты на многие десятилетия.

На основе культурного своеобразия и в их связи с «расами населения» Г. Рисли выделяет несколько типов эндогамных общностей в Индии.

1. Этнические подразделения, состоящие из отдельных племен, таких, например, как «индоарийские раджпуты Раджпутаны». Также отмечены «племена, которые приняли индуизм и трансформировались в касту». К ним Г. Рисли относит *мунда* (Mūṅḍā), *санталов* (Santhāl), *ораонов* (Orāon) Чхота Нагпура, которых считал дравидами [Risley 1915: 156].

2. Лингвистические, или региональные, группы: тамилы, телугу, ория, бихарские брахманы. Для них характерно наличие единого языка⁵. «Эти классы очень большие и включают целые касты, которые в свою очередь разбиваются на несколько эндогамных подкаст. Вряд ли можно сомневаться, например, что большие и многосоставные группы, собранные под общим названием “брахманы”, были набраны из местных жрецов тех племен, которые приняли индуизм» [Risley 1915: 157].

3. Территориальные, или локальные, группы. Они не имеют отношения к различиям в языке. Часто в их названии остались

⁵ Тамилы, телугу, ория в современном их состоянии являются отдельными этносами.

древние, ныне исчезнувшие топонимы (Рарх, Шикхарбхум и т.д) и названия исторических областей, которых нет уже на карте Индии.

4. Функциональные, или профессиональные, группы, которые Г. Рисли называет подкастами. Такие, например, как *мечо каибартта* (Месѓ Kaibarttā) и *халия каибартта* (Hāliyā Kaibarttā), подкасты касты *каибартта* (Kaibarttā). Из них первые продают рыбу, а вторые занимаются сельским хозяйством. Или подкасты касты *багди* (Bāgdī), которые называются *дулия* (Duliā), *мачхуа* (Machhūā), *матиял* (Matial). Они занимаются тем, что носят паланкины, ловят рыбу, роют колодцы для воды и работают землекопами. Здесь же дается рассказ об их социальной мобильности, хотя Г. Рисли не дает названия этому процессу.

5. Сектантские группы, такие как *бишноу* (Bishnoī) в Северной Индии и *лингаяты* (Līngāyat) в Бомбее. Они были первоначально религиозными сектами, которые закрыли свои ряды для посторонних и вступают в брак только между собой. Происхождение касты из религиозной секты — сравнительно редкий феномен, говорит Г. Рисли [Risley 1915: 158].

6. Социальные группы, которые выделяются тем, что практикуют особенные социальные или религиозные обычаи. На самом деле Г. Рисли заметил различия престижного или статусного характера «внутри касты» (типа вторичного замужества и т. д.), жизненно необходимые для *джати*, неестественно объединенных в касты.

«Теоретически все члены каждой многочисленной группы, включенной в эти классы, считаются родственниками, хотя в каждом конкретном случае их происхождение может быть крайне темным и неясным» [Risley 1915: 158].

Брахманическая идеология совершенно определенно выделяет основанные на родстве социальные категории как основные и работает с ними, а не с отдельными личностями. Для них предназначены практические варианты вероучения и культовой практики, которые осмысляются через понятие *свадхарма* и конкретизируются как *дхарма* отдельной *джати* и *дхарма* семейно-родственной группы. Кастовая идеология строит регламентацию общественного быта на четком понимании роли самой *джати*, а также ее компонентов и комплексов *джати* в общественной и экономической жизни. В этом обществе строго ритуализованный процесс биологического воспроизводства населения — ина-

че это не назовешь — организуется в каждой отдельной *джати* по свойственным ей правилам, и он связан с экзогамией составных компонентов *джати* и принятыми в ней брачными законами; эта сторона жизни *джати* коррелирует с *кула-дхармой*. В индийской традиции понятие *джати* неразрывно связано с учением о перерождении душ и «качестве рождения» в определенной категории живых существ, указывает на врожденный статус, полученный в этой категории насельников космоса. В случае рождения в человеческой *джати* — это социальный статус, и он общий у родственников; на поддержание этого Богоданного статуса направлена *джати-дхарма*. Разнообразие обычаев конкретных *джати* не подвергается брахманической унификации — объяснения по этому поводу содержатся в концепции санскритизации (см. главу 2-ю). Нормы сегрегационного и иерархического кастового способа общения работают на уровнях отношений между разными *джати* и выше. На нижних уровнях кастовой организации (*джати* и ее компоненты) царят родственные отношения, паритет статусов и добрахманическое своеобразие внутреннего мира. Так, *джати*, восходящие к дравидским и мундаязычным этническим общностям, демонстрируют большую оригинальность: они могут быть вполне санскритизированными, но твердо придерживаются самобытных обычаев, как, например, способ захоронения умерших. В общей теории касты «культурное единство» рассматривается как один из признаков касты, но приходится признать, что в крупных кастах культурное единство куда-то пропадает. Оно характерно только для отдельных *джати*. Правильность утверждения видна по бесчисленным материалам этнографических описаний, которые заставляют многих авторов думать, что «нормы кастовой жизни постоянно тем или иным способом нарушаются» [Бэшем 1977: 39].

В контексте контакта культур «Запад — Индия» *джати* воспринимается как индийский эквивалент слова «каста» и, хотя в строгом смысле он таковым не является, постоянно употребляется при переводе с языка на язык. Слово *джати* санскритское, оно есть во всех новоиндийских языках, производно от корня *jan-* ‘рождать, рождаться’, в индийском словоупотреблении передает идею «рожденности, врожденности» и имеет широкий спектр соответствующих значений: «рождение, происхождение, родня», а также «порода» и даже «народ». В ходе санскритизации слово вошло в дравидские языки, но на Юге чаще употребляются дра-

видское *кулам* и многие иные названия для экзогамных групп. «Тамильское слово *кулам* означает линию родства или происхождение от общих предков» [Roy 1934: 215]. Оно в свою очередь рано вошло в санскрит и практически во все новоиндийские языки в форме *кула* в оригинальном значении «экзогамный клан» и широко употребляется в среде небрахманских *джати*. Уже это обстоятельство указывает на то, что имело место не просто заимствование терминов, происходило глубокое взаимопроникновение традиций в социальной культуре (в данном случае — знакомство с понятием «экзогамия»).

В индийских языках слово *джати* употребляется всегда с уточняющим определением.

Индиец, понимая *джати* как свою прирожденную характеристику, может выразить через это слово с соответствующим эпитетом следующие смыслы:

— какой он религии (и это не обязательно индуизм); эту идентификацию он получает по рождению;

— где он живет; свое место жительства человек меняет редко; локальные наименования часто упоминаются в имени *джати*;

— какой у него социальный статус; он воспринимает его через понимание места своей семьи в кастовой общине и через ее и свое участие, роль в ритуале. Статус обретается по праву рождения;

— какое у него профессиональное занятие; это он получает по рождению;

— «чьих он будет», из какой семьи происходит.

Джати, таким образом, — главное понятие для индийца в плане самоидентификации. Кроме того, особенность кастового строя состоит в том, что идентичность *джати*, как характеристика по статусу рождения, определяет социальное положение человека на всю жизнь. Он и женится именно так, как определено его рождением, в своей *джати*. И. Карве говорит: «Каждая каста эндогамна. Как правило, у человека нет родственников за пределами собственной касты, и все его родственники находятся в составе касты. Одна часть касты человека — это его расширенная семейно-родственная группа, а все остальные члены касты — это его возможные родственники. При таком положении дел каста отстаивает многие ценности, реализуемые в семье, и верность обычаям касты можно сравнить с верностью ценностям семьи. Отде-

лить их друг от друга невозможно» [Karve 1965: 55]⁶. Границы каждой *джати* довольно определенны даже в современных условиях, ее внутренние связи постоянно обновляются в брачных контактах, в процессе необходимого определения экзогамных и эндогамных кругов. Все родственники индивидуума по происхождению или по браку, реальные и потенциальные, входят в его *джати*; сюда относятся и кровные, и фиктивные родственники. Человек чувствует ответственность перед ними всеми, и это важный фактор и аргумент в его деятельности; в частности, он старается не нарушать свою *джати-дхарму*, чтобы не навлечь осквернение и потерю статуса остальными «своими», «нашими».

В результате вышеописанного вполне волонтаристского «ужатия» неподъемного (в отсутствие компьютеров!) списка кастовых общностей и сокращения его до вполне удобных трех с половиной тысяч наименований в науке утвердилось представление, что каста и подкаста различаются в количественном, а не в качественном отношении. Очень характерно в этом смысле разъяснение С. В. Кеткара: «Каждая из этих групп имеет особое название, и несколько таких сравнительно мелких образований группируются вместе под общим именем, в то время как большие группы — не что иное, как подразделения групп еще более крупных, и все они имеют свои названия. Так мы видим, что есть несколько уровней этих групп. Слова “каста” и “подкаста” относительны в определении. Более крупная группа будет называться кастой, в то время как более мелкая будет называться подкастой — это зависит от размера группы. Но в общем обе группы могут называться кастой. Эти деления и подразделения вводятся на различных принципах. Таким образом 200 млн. индуистов (речь идет о начале XX в. — *Е. У.*) разделены настолько дробно на нескольких уровнях соподчиненности, что есть касты, брачные контакты которых находятся в пределах не более чем пятнадцати семей» [цит. по: Hutton 1946: 43]. М. К. Кудрявцев писал так: «В том случае, когда каста *слишком велика* (курсив мой. — *Е. У.*) и широко расселена, ее роль практически выполняет подкаста <...> Проблема состоит в том, считать ли основной статус-группой в кастовой системе касту или ее эндогамное подразделе-

⁶ И. Карве не решается отказаться от термина «каста» даже там, где она говорит о *джати*, но вводит понятие «комплекс джати» (*jati-cluster*) [Karve 1961: 9 ff], которое я применяю в работе.

ние — джати» [Кудрявцев 1992: 27]. Дальнейшие объяснения ставят своей целью показать, что *джати* является оптимальной эндогамной единицей в составе кастовой организации, ее структурной основой, и это никак не связано с относительными размерами кастовых единиц. Кроме того, *джати* не является «статус-группой»: она, конечно, имеет свой статус, но является строго функциональной единицей кастового общества. Попробуем выстроить некую логичную систему в представлениях, обратившись к единственно верному ключу: рассмотрению родственной сути касты и выявлению ее функциональных начал. Среди статусных, престижных, идеологизированных и даже политизированных аспектов функционирования социальных единиц, составленных на основе *джати*, меня будут интересовать прежде всего аспекты родственных отношений.

Концепт родства и *джати*.

Функциональный анализ кастовых взаимоотношений позволяет утверждать, что родственная самоорганизация поныне является основой социального строя в Индии [Успенская 2005]. Кастовые общности обычно «осязуемо» представлены расселенными в деревнях и городских кварталах территориальными (локальными) группами, ядро которых составляют линиджи. В Северной Индии это обычно патрилинейные линиджи, и территориальные подразделения состоят из больших и малых семей действительных родственников по мужской линии (агнатов). На индоарийских языках они называются *кхандан* (*khāndān*), *тхок* (*ṭhok*) и т. п. Д. Манделбаум называет североиндийскую большесемейную общину термином «локализованный линидж» и определяет как коллектив из нескольких родственных семей, главы которых «мужчины — родные братья, имеющие отдельные домохозяйства, или сыновья родных братьев, или сыновья двоюродных братьев по отцу <...> Все в этих домохозяйствах, включая жен, приемных детей, живущих вместе с родителями жены зятьев, то есть тех, кто не является кровным родственником, считаются членами этой группы, хотя имеют другое происхождение по отцу. Таких семей может быть две-три или двадцать-тридцать» [Mandelbaum 1970: I, 134]. В этой формирующейся на основе патрилинейного линиджа большесемейной общине есть общепризнанный глава — старший брат в старшем поколении. Все члены линиджа происходят от одного предка, реального и всем известного, память о котором